

Георгий Жженов,
народный артист СССР

**ВЧИТЫВАЮСЬ,
КАК И ВСЕ
СОВЕТСКИЕ
ЛЮДИ,
В МАТЕРИАЛЫ
XXVII СЪЕЗДА
КПСС. ЗАХВАЧЕН
АТМОСФЕРОЙ
ДЕЛОВОГО,
ПРОНИЗАННОГО
ЗДОРОВОЙ
КРИТИКОЙ
ПОДХОДА
К ПРОБЛЕМАМ
НАШЕЙ ЖИЗНИ.
И ДУМАЮ
О СВОЕМ ДЕЛЕ.
О ТЕАТРЕ,
КОТОРОМУ
ОТДАНА ЖИЗНЬ.**

Думаю, сегодняшний театр не отвечает полностью изначальному высокому своему назначению. И потому не может удовлетворить нас. Нас — актеров. Нас — зрителей. Нас — граждан.

Почему? Да потому, что для искусства мало быть приятным, популярным, даже любимым. Искусство должно быть необходимым. Как хлеб. Даже больше. Ибо не хлебом единым...

Когда-то москвичи считали, что в столице два университета. Они получали диплом Московского университета и учились в Малом театре. Что же представляет собой сегодняшний театр?

Судя по популярности, это прежде всего, скажем, театр М. Захарова — со всей его фееричностью, зрелищностью. Я очень уважаю Марка Захарова и, хотя сам являюсь представителем иных театральных традиций, считаю, что такой театр необходим. Настораживает другое. Сегодня вряд ли найдется в Москве коллектив, равный по популярности Театру Ленинского комсомола. Особенно у молодежи. Нет равных по яркости, нет других, столь же определившихся по целям и задачам, перед собой поставленным.

Можно вспомнить то время, когда среди множества театров, заметим, очень разных те-

атров, и ярких индивидуальностей, их возглавлявших, выделялись такие, как Вахтангов, Мейерхольд, Таиров, Попов... И самая высокая вершина — Художественный театр, куда люди шли со всеми жизненными проблемами, надеясь получить если не ответ на них, то хотя бы версию. Вот это и есть то, что для меня называется словом «театр».

Мне кажется, самое ценное в нем — это столкновение человеческих характеров, я бы сказал, диалог душ. Думаю, что и настоящий зритель ходит в театр именно за этим. А не за тем, о чем остроумно рассказал однажды О. Янковский. Он как-то в день продажи билетов, идя утром на репетицию, спросил у одной девушки из очереди, давно ли она тут стоит? — «С вечера», — ответила та. — «Вы что же, настолько любите наш театр, что готовы всю ночь ждать?» — «Да». — «Что же в нашем театре вам так нравится?» — «А мы, — отвечала она, — у вас балдеем!».

Я знаю, что глагол этот нынче в моде. «Балдеют» от поп-музыки, на дискотеках. Теперь, оказывается, «балдеют» и в драматических театрах. Более того, некоторые театры, чтобы угодить спросу, изо всех сил стремятся ставить такие спектакли, чтобы и у них в зале этот процесс происходил. Когда такие попытки делаются, я поднимаю обе руки и кричу: «Ребята, стоп! Давайте заниматься своим делом, а не подражать другим».

Можно возразить: ведь билеты в театр не достать, значит, зритель туда идет! Но, во-первых, надо ли говорить, что столица — не показатель? Надо ли говорить, что театров в Москве ощутимо мало, а приезжих — много, не говоря уже о восьми миллионах москвичей! А страна у нас большая, и коллективы, бывшие действительно интересными два десятка лет назад, и по сей день считаются таковыми где-то за тысячи километров, и еще не год и не два могут прожить в кассовом отношении вполне благополучно за счет былой славы. Что же касается периферии, то там, насколько я знаю, проблемы «лишнего билета» давно не возникает — дай бог наполнить зал. Наконец, надо ли говорить, что всегда самым популярным искусством было искусство развлекательное, а все серьезное, новое проклады-

вало путь к умам и сердцам с немалым трудом. Так что и в этом отношении переполненный зал — не показатель. Мы же не о проблеме заполняемости говорим, а о месте театра в обществе.

Что же мешает ему быть тем, чем он быть должен — трибуном, властителем дум, проводником идей? Я мог бы ответить совсем коротко, скажем, драматургия. И так оно и есть, действительно с нее начинается современный театр. Но это было бы слишком просто. На самом деле тут образовался целый круг проблем, тесно взаимосвязанных.

Поставим вопрос иначе: что нужно театру, чтобы снова стать самим собой? Вот тут ответ действительно прост: правду надо говорить! Меньше лгати! А театр частенько лжет. И если вдруг решается сказать правду, то, как правило, оказывается, что истина уже обнародована, проблема поставлена, а иногда решена. Партия зорко видит действительность. А что же художник? Где же его социальное зрение? Где открытие? Где художественное провидение, которым всегда так славилась русская и советская литература? Почему нынешняя драматургия больше констатирует факты, чем смотрит вперед, в завтра? Я вчитываюсь сегодня в строки Политического доклада Центрального Комитета нашей партии XXVII съезду КПСС. И меня не покидает мысль: вот на каких высочайших образцах подлинно ленинского отношения к действительности, какой бы сложной и противоречивой она ни была, надо нашему театру учиться чувству времени, активности вторжения в жизнь. Видеть не только день вчерашний и даже не только сегодняшний, а завтрашний. Тогда и будут ходить в театр за ответами на животрепещущие вопросы. А пока мы частенько занимаемся поделками.

Молчим ли об этом? Мы уже говорить устали, да и слушать тоже. Сколько себя помню, со всех трибун звучит: долой серятину. И всем вроде ясно, что она смертельно вредна искусству, зрителям, актерам — всем. А между тем серятина, с которой мы все якобы боремся, по-прежнему благополучно процветает и в театре, и в кинематографе. И процветают, к сожалению, люди, сделавшие себе неплохую кормушку на профессии драматурга, сценариста.

Можно, конечно, задать еще один вопрос: а где же настоящие пьесы? Есть, конечно. Их пишут. Много пишут. Но пишут часто «в стол». И, неоднократно столкнувшись с недоверием, либо уходят в своем дальнейшем творчестве от остроты проблем, либо расстаются с театром и начинают писать киносценарии.

Вот свежий пример. В нашем Театре имени Моссовета репетируется сейчас хорошая, острая пьеса. Как ни странно, не потерявшая еще остроты, хотя написана она была... более десяти лет назад. Таких примеров я, не напрягая памяти, могу привести не меньше десятка. Спросите у некоторых наших крупных драматургов, сколько их пьес лежит по театрам непоставленными? А режиссеры между тем ставят очередной шлягер — не от хорошей жизни. Иначе зрителя потеряешь.

В наш театр, впрочем, ходят. Значит, финансовый план выполняется. Производственный, положенные четыре спектакля в год, тоже. По посещаемости имеем какие-то исключительные показатели, из гастрольных поездок привозим благодарности, зафиксированные на бланках, с подписями и печатами, за что и получаем каждый год переходящее знамя. Но по качественному показателю театр с каждым годом все ниже! Значит, что же? С одной стороны, признание, ходим, так сказать, в лидерах, а с другой — всем же ясно, что свое профессиональное лицо театр теряет. Да, ходят к нам. Но не потому ли в первую очередь, что большинство актеров снимается в кино. Вот и приходится «на живых актеров поглядеть», независимо от того, что мы играем. А потом встречаешь на улице знакомого, хорошо к тебе относящегося человека, а тот и говорит: «Видел, видел вчера. Жалко вас, артистов, хорошие вы люди, способные, талантливые даже, а в такой макулатуре играет. Зачем?» И правда, зачем? Идут на сцену третьесортные пьесы, дешевая развлекательность. Что же, так и будем «балдеть»? Долго ли еще?

Приходится с горечью признавать, что искусство, в частности театр, едва ли не единственный сегодня участок, где понятие «ответственный пост» отнюдь не равнозначно понятию «ответственность». Руководить промышленностью человека, не имеющего высшей спе-

циальной подготовки, сегодня уже, пожалуй, не назначают — это понятно. А вот культуру — примеров хоть отбавляй.

А ведь искусство призвано духовно, эстетически воспитывать. И чудес в нем, как и в экономике, не бывает. Искусство мстит за малокровность и халтуру, и мстит жестоко. Промышленность уже столкнулась с проблемой: новые станки требуют иной рабочей квалификации. Искусству это столкновение, я думаю, еще предстоит. Г. Товстоногов уже лет пятнадцать бьет тревогу: у театра нет крепкой кадровой смены. А откуда же ей взяться? На чем ее воспитывать? На «Гамлете»? Но без высокой современной драматургии и «Гамлет» не поможет.

В организационной структуре театра сейчас много несовершенств, и об этом правильно пишут и говорят. Да, и театров мало, и возникнуть новым при существующем положении почти нереально. Да, труппы раздуты, и многие актеры годами ждут хоть маленькой, но роли. Да, при этом ставки их так низки, что встречаться друг с другом им частенько приходится, как героям Островского, с поправкой на научно-техническую революцию: не «из Керчи в Вологду и из Вологды в Керчь», а с телевидения на «Мосфильм», а оттуда в Дом звукозаписи.

Но если мы хотим все это как-то изменить, то начинать надо с того, чтобы пересмотреть структуру управленческого аппарата и резко повысить ответственность тех инстанций, которые управляют искусством. Причем ответственность не перед вышестоящими людьми, а перед Театром. Надо кончать с недоверием. Театрами сегодня руководят, как правило, коммунисты. В каждом коллективе есть партийная организация. Почему же возникают сомнения в их профессиональных и гражданских качествах?

Только тогда, когда работники театра ощущают свою ответственность перед зрителями, перед своей совестью, только тогда можно ждать в театре благотворных перемен. Не сразу, конечно, не завтра: инерция есть инерция. Но чтобы это стало возможным хотя бы послезавтра, начинать нужно сегодня. Тогда появятся и правдивые пьесы, на пользу стране возникающие, и рост мастерства, и поощрение по заслугам, да и сам театр станет наконец подлинно творческим организмом. И, может быть, снова, как когда-то, будут москвичи говорить, что в столице два университета, подразумевая под вторым уже не только Малый, но и все остальные театры.